

СВЕТЛАНА М. ТОЛСТАЯ
(Москва)

БРЕННОЕ ТЕЛО, ИЛИ ИЗ ЧЕГО СОТВОРЕН ЧЕЛОВЕК
(этнолингвистическая заметка)

В славянском фольклоре известны легенды о создании человека, восходящие к библейским мотивам и апокрифической книжной традиции (см., например, обзор восточнославянских верований и легенд в Криничная 1989, Кабакова 1999). Эти легенды, безусловно, повлияли на народные представления об антропогенезе, но не заменили их полностью. Об этом свидетельствуют, в частности, данные славянских языков, которые по-разному отвечают на вопрос, из чего, из какого материала и каким способом сделан, сотворен человек. Этот языковой образ обнаруживает определенное соотношение с фольклорными мотивами творения человека. Имеющийся в моем распоряжении материал (лексика и фразеология), заведомо не полный, группируется вокруг нескольких семантических моделей: «глиняный человек, человек из глины», «человек из теста», «сшитый (скроенный) человек», «вытесанный (вырубленный) человек», «кованный человек» и др.

Семантическая модель «**глиняный человек**» (человек из глины, из земли, праха) прямо восходит к ветхозаветному мотиву творения человека из земли («И создал Господь Бог человека из праха земного»). Она отражена в старославянском и церковнославянском выражении «бренное тело», отсылающем к христианскому мотиву греховности, низменности, «нечистоты» и тленности плоти в противоположность чистоте и возвышенности бесплотной и бессмертной души. Ст.-слав. **БРЪНЪ** означает 'грязь' и имеет соответствия в южнославянских и восточнославянских языках и диалектах (см. ЭССЯ), а прилагательное **БРЪНЪНЪ**, соответствующее греч. πῆλινος, — 'созданный из грязи, из глины' (ССС: 102); др.-рус. *берныи, берньныи* — 'бранный, тленный', а *бернотвореныи* — 'плотский'

(СДРЯ 1: 351; СРЯ 1: 148). Ср. англ. *clay* 'глина', в переносном значении — 'человеческое тело, плоть'.

Эта семантическая модель представлена в польском языке, где о похожих людях говорят: *z jednej (jednakowej) gliny ulepeni, z tej samej gliny ulepeni*, а о людях несхожих: *z innej gliny ulepeni, człowiek innej gliny*. Допускается также качественная оценка, и о достойных (или более достойных) людях можно сказать: *ludzie z lepszej gliny*. См. НКРР 1: 629. В русском языке как будто эта семантическая модель отсутствует, если не считать диалектного выражения *высыпать из себя глину*. Так говорят о человеке, притворяющемся простоватым: *Дурака не строй, глину из себя не высыпай* (СРНГ 6: 36). Ср. еще о дряхлом старике: *словно живой прах по земле прошел* (Даль 3: 999), разговорное *из него песок сыплется* и т.п.

Мотив «земляного» (или «глиняного») человека, закрепленный в формуле чина отпевания «яко земля еси и в землю отыдеши», широко представлен в славянском фольклоре, в устных рассказах и легендах, повторяющих библейский текст или разрабатывающих его, подчас весьма своеобразно.

По одной белорусской версии, Бог первого человека слепил из глины по своему подобию, потом дунул на него, и получился человек (Federowski 1897: N 780). Болгарская фольклорная библия говорит, что Господь делал людей из глины; как гончар делает горшки, так и он делал людей: «Господ е правил ората от кал — като кво грънчара праи грънци, те так и он правил ората. И он ги е ухнал у устата и ин ги е дал душа» (с. Гаганица, Берковско — Бадаланова, ркп.: 43); «Свето се е засветил от двамина светци — от Свети Деда Адъм и Света Буба Ева. Деда Господ ги е напраил и двоицата от земня като кво се праят чирапни (подници). И он ги е ухнал у устата та ин ги е дал душа. Затова човека като умре, телото му си става на земня — що от земня е напраен, а душичката му си изфърча при Господ — що е на Дедо Боже от дъха» (с. Котеновци, Берковско — там же: 18–19); «Господ си е създал народа къкто ти казаф... Къкто съ е заравъдил света от Адам и Ева. И той е направил от кал всичко — и рьци, и ноги, и друго — всичко го е направил от кал. И на нея напраил путка от кал...» (с. Момина баня, Пловдивско — там же: 25).

Согласно другой болгарской версии, Господь-гончар замесил глину и стал тщательно лепить тела людей. В обед он присел отдохнуть и увидел, что работа идет очень медленно, и ему не успеть до вечера вылепить столько людей, сколько он задумал. Тогда он смастерил болванку и начал лепить по ней. Люди стали выходить не столь удачными: у одного кривая нога, у другого — рука или шея;

один слепой, другой в коросте, третий гордец, четвертый упрямец и т.д. И когда увидел Господь этих выходящих из болванки «дефектных» созданий, то у него уже не было времени их исправить, чтобы до вечера сделать всех намеченных людей (СБНУ 15: 91–92). Мотив болванки, колодки, мерки, формы и т.п., по которой сделаны люди, находит отражение во фразеологии разных славянских языков, относящейся к сходству и подобию людей, ср. рус. *все на одну колодку скроены (сшиты, сбиты, сделаны* и т.п.), болг. *от един калъп*, серб. *на истии калуи*.

В болгарских легендах популярен еще мотив слюны, с помощью которой Господь замешивает глину: «Взял Господь немного землицы и плюнул, и получилась глина (букв. жидкая грязь). Сначала он сделал Адама. Плевал, плевал в пыль (букв. в пепел), сделал глину и сделал тело. От этой слюны, согласно легенде, происходит мужская сила (мужское семя) [«Земал Господ малко земица и плювнал те така и станало калчица. Епа направил Адам отпърво. Плювал така, плювал — у пепейо плювал, та направил калта — да напраи телото. Човека си е от слюнката Му. Плювал, мокрил си ръцете и овалял снагата, направил човека — напраил го като кукла така — и му дъхнал във устата, дал му живот. ... И това, къде е на мъжа силата — това е на Деда Боже слюнката (т.е. спермата е слюнка на Господ). Така е станало богослов от Господ — о Неговата слюнка се заплождат човеците» — с. Кортен, Бессарабия, см. Бадаланова, ркп.: 42]. Любопытно в связи с этим сербское выражение со словом *плюнути* об очень большом сходстве: *плюнути отац*, что означает ‘вылитый отец’, имеющее соответствие в греческом, французском и др. языках. Русское *вылитый* в этом значении (*точка в точку вылитый в него!* — Салтыков-Щедрин, см. ССРЛЯ 2: 1095) связано с другим образом — либо литья воска или олова в имеющуюся форму, либо с литьем воды, тогда его можно сопоставлять с украинским выражением *викапаний*, имеющим то же значение и связываемым с другим выражением: *как две капли воды*, ср. рус. диал. *окапанный, окапанный, окопанный, окаплённый*: *Окапана вся в мать* (ярослав.), *Ребенок — окапанный отец* (донск.), *Он будет весь окаплённый батюшко* (владим.) — см. СРНГ 22, *окопный, окапавший* (ССРНГ: 366–367), а также выражение *как вылило* — о большом сходстве: *Сын-от как вылило в батьку* (СРНГ 5: 304). Подробнее см. Толстая 2000.

Глина как материал, из которого творился человек, присутствует и в дуалистических версиях легенды о сотворении мира; так, в украинских рассказах Бог лепит человека из глины по своему подобию, а черт, тоже из глины, лепит козла или собаку. К популяр-

ным у славян фольклорным «инновациям» можно отнести и такие версии антропогонических легенд, по которым Ева была создана вместе с Адамом из глины или же она была сделана из оставшегося от Адама материала (глины) или из «лишних» частей тела Адама, например, из его хвоста, ср. белорусскую легенду: «Буог як створыў Адама, то створыў яго з хвостом; пасля Буог апамятаўся, што кепско гэтак каб ўсё — и жывина, и людзи были з хвастами, так навярнуў на Адама сон и адрезаў ему хвост и палажыў кала яго и зрабиласе з таго хваста жуонка Ева. То кабеты паходзяць з мушчынскага хваста» (Federowski 1897: N 781).

Мотив «глиняного» или «земляного» человека находит косвенное отражение во многих фольклорных и обрядовых текстах, построенных на двусторонней метафоре «человек — глиняный горшок» и «горшок — человек». Например, в русской загадке горшок уподобляется человеку: «Взят от земли, яко же Адам, ввержен в пещь огненную, яко три отрока; взят от печи и возложен на колесницу, яко Илия ...и т.д.». Символическая связь «горшок — человек» прослеживается и в обрядах битья горшков на крестинах, свадьбе и похоронах, т.е. в обрядах, отмечающих важнейшие моменты жизни человека, и в «анатомической» номинации частей горшка (*горло*, *носик*, *черепок* и т.п.), и в уподоблении горшка человеческой голове, которая в свою очередь метонимически обозначает человека, и в символическом уподоблении горшку женского лона (именно этим мотивируется обычай разбивать горшок после первой брачной ночи в знак утраты невестой девственности — см. Толстая 1996); то же можно видеть в западно-сербской магии, направленной на прекращение рождения детей: при последних родах послед клали в горшок, на горшок клали камень и закапывали в землю. В восточнославянском погребальном обряде перевернутый горшок часто оставляли на могиле или на перекрестке, чтобы прохожие поминали покойника (подробнее см. Топорков, Толстой 1995).

Еще более косвенную связь с библейским мотивом можно усматривать в обычаях изготовления и последующего погребения во время продолжительной засухи (реже превентивно, в день св. Германа в мае) глиняных антропоморфных фигурок типа южнославянского «германа». В этом обряде (и подобных ему) формула «яко земля еси и в землю отыдеси» находит свое полное воплощение, и именно эта отсылка к библейскому тексту, к мотиву первочеловека сообщает вполне конкретному ритуальному действию магическую силу воздействия на состояние мира, а в качестве дополнительного сакрализующего это действие средства выступает мотив завершеного

«жизненного круга» (от рождения «из земли» до погребения в землю — см. Толстые 1992) и сексуальная символика оплодотворения-плодородия.

Вторая модель — «человек из теста» — представлена русскими выражениями *из того же теста, из одного теста, из другого теста (сделан, испечен)*, употребляемыми для обозначения сходства или несходства людей между собой, причем речь идет, как правило, не о физическом сходстве, а о сходстве взглядов на жизнь, характеров, норм поведения, происхождения, положения в обществе и т.п. Например, *Мы с вами из одного теста. Это я все понимаю. А то бы я с вами и говорить не стал.* /А.Толстой/. Или: *Она знает ему цену, а все-таки он считает себя «из другого теста», барином, джентльменом, с «принципами» знаком, а она «кунчиха».* У Федора Абрамова: *А моя, думаешь, не из того же теста... Как начнет-начнет калить — рад к черту на рога броситься.* Реже встречается качественная характеристика или, так сказать, оценка этого «теста»: например, *Мересьев был выпечен из хорошего теста. Он умел добиваться своего.* У Куприна, однако, встречается тот же образ выпеченного из теста человека, но как раз применительно к его внешности: *Лицо у него было простоватое и производило впечатление, как будто его наспех, боком выпекли из теста, воткнув изюминки вместо глаз* («Поединок»). См. ССРЛЯ 2: 1138. В этом контексте, возможно, заслуживает внимания и популярная дразнилка: *жених и невеста — тили-тили тесто.*

Образ человека из теста известен также белорусскому языку, где, кажется, он не имеет ограничения на сферу физического сходства, ср. о детях: *Большый вылитый тата, а меньший саўсім з другога цеста* (Юрчанка 1981: 261). В чешском языке, кроме выражения «быть из одного теста» (*být z jednoho / ze stejného těsta*), «быть из другого теста» (*být z jiného těsta*), возможна качественная квалификация: «из мягкого теста» (*být z měkkého těsta*) — о податливом, слабовольном человеке (Zaorálek 1947: 394). То же и в украинском: *з іншого тіста* и *з м'якого тіста* о безвольном человеке. В болгарском, в отличие от русского, развернутый фразеологизм включает другой глагол и соответственно другой образ человека из теста — не выпеченный, а замешенный: *от друго тесто съм замесен* или: *от също тесто съм замесен* (ФРБЕ 2: 60). Ср. еще *от една мая, от същата мая* (там же: 61), а также рус. *человек старой (крепкой) закваски* с тем же значением (здесь, несомненно, имеется в виду хлебная закваска): *Кузнецов оказался человеком крепкой закваски* (Аксенов). *Отец ваш — человек старой закваски* (Кудрин). См. ССРЛЯ. В сербскохорватской фразеологии *тесто* получает значение

кровного родства, единого рода: *Mi smo braća od jednoga tijesta. Brankovići i Grubiše jedno su tijesto* (RHSJ 18: 321).

Мотив человека из теста также находит отражение в славянской фольклорной антропологии. По одной украинской легенде, Бог сначала слепил Адама из теста, но собака его съела, и тогда уже Бог слепил Адама из глины. Согласно другой версии, Бог слепил человека (мужчину) из земли, а женщину из теста и поставил их сушиться, а Михаилу (архангелу) велел их стеречь. Но Михаил стеречь-стеречь, потом ненароком засмотрелся на что-то, а собака прибежала и съела женщину. По полескому преданию, Бог вылепил пана из пшеничного теста, а мужика из глины, положил их сушиться и пошел обедать; в это время пришла собака, обнюхала мужика, поскребла его лапами, помочилась на него, а добравшись до пана, съела его. Только стала облизываться, приходит Бог. Увидел, что случилось, схватил собаку за хвост и давай трясти, а из собаки так и посыпались паны и бегут куда глаза глядят, и где кто остановится, по тому месту Господь их и называет: остановился под березой — пан Березовский, под дубом — пан Дубский, под Ольхою — пан Ольховский, под горою — пан Подгурский, а если очнулся за болотом или за рекой — то пан Заболоцкий или Зарецкий (Pietkiewicz 1938: 78–79).

Глиняного человека и человека из теста объединяет не только то, что они «вылеплены», но и то, что они «испечены» (обожжены) на огне: (ср. сербскохорв. *biti pečen i prepečen i četi* 'быть специалистом в чем-нибудь' — Matešić 1982), подобно глиняному горшку и хлебу. Культурная метафора «хлеб — человек», как и метафора «печь — женское лоно», «печенье хлеба — рождение человека», относится к широко распространенным в символическом языке традиционной культуры, но она имеет и языковое подтверждение: *недопёка, непропёка* (о человеке), ср. выражения типа *друг ситный, тертый калач, отрезанный лопоть, поскребыш* 'последний ребенок' и 'хлебец из остатков теста' и т.п. Ср. также полесское верование: роженица — «горячая», она способна сжечь все, к чему бы ни прикоснулась (Кабакова, ркп.)

В славянской лексике и фразеологии представлены еще несколько семантических моделей «творения» человека. Выражения типа рус. *неладно скроен, да плотно (или крепко) шит; не льком шит; человек Божий — обшит кожей* и т.п. рисуют нам образ «сшитого» человека, и этот мотив тоже находит соответствие в фольклорной традиции. Один недавно записанный болгарский рассказ содержит достаточно редкий мотив «сшитых из двух половин» Адама и Евы: Господь долго думал, когда решил создавать

человека. Тело составлено из двух половин, которые сделаны по одному шаблону. И взял Бог нитку и сшил эти две половины. Но у него осталось немного нитки и он сказал: «Пусть висит, не буду ее отрезать, пусть будет у него этот лишний кусок висеть!» Так был создан Адам; затем Господь создал второго человека — женщину, и на этот раз нитки не хватило, так что тело женщины внизу осталось не зашито. И Господь сделал так, чтобы мужчина и женщина, совокупляясь, преодолевали недостаток одного и излишек другого тела (Бадаланова, ркп.: 28–29). Ср. еще «Като кърпил Господ жената, конците му не достигали, а като кърпил мъжа, конца му артисал и той тогази казал: Да се кърпят! [futuere]» (Славейков 1982: 250).

В чешском и сербском языках «сшитому» человеку соответствует «**тканый**» человек: о похожих людях говорят, что они вытканы одним и тем же бердом (серб. *биџи на истио/једно брдо ѿкан*; чеш. *jsou v jedno brdo tkani, dělan na jedno brdo*); по-словацки в этих случаях говорят: *to je nit' z toho brda* «это нить с того же берда» (то же самое: «кол из того же забора»; «выпали из одного мешка» и т.п. — Záturský 1896, ср. с.-х. *ispasti iz iste vreće, ispasti iz istoga legla* — Matešić 1982: 198).

Русский язык часто ограничивается образом «выкроенного» человека: выражения *ладно скроенный* (реже *грубо скроенный*) относятся обычно к фигуре человека, к частям тела, напр. *Арина Михайловна/ фигурой скорее напоминала собой ладно скроенного мужчину, нежели деликатную даму* (Салтыков-Щедрин); или: *коренастый, с мясистым носом на грубо скроенном лице* (Н. Островский). См. ССРЛЯ 13: 1065. Отсюда идут две разных линии: к выражениям типа *на одну колодку (на один лад) скроены (сшиты, сделаны)* и, с другой стороны, к выражениям, содержащим образ «**вытесанного**» или «**вырубленного из дерева**» человека, ср. словацк. *Dvaja l'udia, akoby ich na rezacej truhle odrezal* (Záturský: 278); рус. диал. *вырезанный* ‘очень похожий, вылитый’: *вся вырезанная мать* (Деулинский словарь: 367). Последний, т.е. «деревянный» образ человека часто имеет резко негативные коннотации и ассоциируется с глупостью и тупостью: *И ладно б вытесан, да голова не с того конца зарублена* (Даль 1: 784), ср. также *бревно, пень, чурбан, дуб, дубина, неотесанный человек, дурак неотесанный* и т.п. (из молодежного жаргона: *здравствуй, дерево*). Хотя в фольклорной традиции можно найти мотив сделанного (вытесанного, вырезанного) из дерева человека (ср., например, сказку о бездетных родителях, изготовивших себе в утешение к старости деревянного сыночка, который оживает, — славянский родственник Пинокио), тем не менее этот сказочный мотив не обнаруживает внутренней семантической связи с языковыми выражениями.

Остается еще сказать о «кованом» человеке. Этот образ отражен в таких фразеологизмах, как с.-х. *човек добра кова, човек старога кова, бити истога кова*, т.е. человек старой ковки, чему в русском соответствуют выражения *человек старого (крепкого) закала* (реже *закалки*), например: *Это был человек старого закала, не разделявший новейших воззрений; Рудин и все люди его закала* (Тургенев); *Мы, студенты крепкого закала, / Были на военном рубеже* (Ваншенкин). Ср. также *Не сам ковал, какой Бог дал!* (о носе — Даль 2: 320). Сюда же относится, конечно, *закаленный человек*. И заглавие известной книги «Как закалялась сталь» вполне согласуется с этим языковым образом. Но у него есть и еще некоторые ответвления. Во-первых, во многих языках, в том числе и в русском, «кузнечная» метафора используется для номинации знатока, умельца, специалиста в какой-либо области (рус. *подкованный*, серб. *биџи њоџкован*) или, наоборот, неумелого, неопытного человека (чеш. *být na lehko kovaný* — Zaorálek: 180), ср. также *скованный, раскованный* человек. Во-вторых, мотив ковки имеет в русском языке сексуальные коннотации, отраженные в следующих значениях: *коваль* — о мужчине как носителе мужских половых качеств (это дефиниция СРНГ 14: 25) и пример: *Был бы коваль и ковалиха, а этого /детей/ будет лихо; коваль* — ‘любитель женщин, волокита’: *Он старый коваль* (Даль 2: 321). Эта семантическая модель («кованый человек») не имеет как будто прямой поддержки в фольклорных текстах; можно лишь указать на сказочный мотив кузнеца, выковывающего голос.

В заключение следует поставить вопрос о том, как трактовать такие лингво-фольклорные семантические соответствия. В каких-то конкретных случаях, по-видимому, фольклорные представления и тексты могли стать источником языковых номинаций и выражений, но в целом более верным мне представляется объяснение, предполагающее общую когнитивную основу языкового и фольклорного материала, их общий символично-семантический арсенал, т.е. в конечном счете интегральность языковой и культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

- Бадаланова, ркп. — Ф. Бадаланова. Българска фолклорна библия. Рукопись.
 Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909. Изд. 3. Т. 1–4.
 Даль ПНР — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957.
 Кабакова 1999 — Г. И. Кабакова. Адам и Ева в легендах восточных славян // Живая старина. Москва, 1999. № 2. С. 2–4.

- Кабакова, ркп. — *Г. И. Кабакова*. Жизнь женщины в зеркале языка и народной культуры Полесья. Рукопись.
- Криничная 1989 — *Н. А. Криничная*. Концепция происхождения человека (по данным мифологии, фольклора и ранних философско-медицинских учений) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889—. Кн. 1—.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Москва, 1988. Т. 1.
- Славейков 1982 — *П. Р. Славейков*. Пълно събрание. София, 1982. Т. 6.
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва, 1975. Вып. 1.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1965—. Вып. 1—
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Москва — Ленинград, 1948–1964. Т. 1–17.
- ССРНГ — Словарь современного русского народного говора — д. Деулино Рязанского района Рязанской области / Под ред. И. А. Оссовецкого. Москва, 1969.
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Толстая 1994 — *С. М. Толстая*. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в славянском фольклоре. Москва, 1994.
- Толстая 2000 — *С. М. Толстая*. „Лито-накапано” // Сб. в честь В. М. Мокиенко. СПб., 2000. В печати.
- Толстые 1992 — *Н. И. и С. М. Толстые*. Жизни магический круг // Сборник статей к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 13–141. Перепечатано в: *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва, 1995. С. 223–233.
- Топорков, Толстой 1995 — *А. Л. Топорков, Н. И. Толстой*. Горшок // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Москва, 1995. С. 526–531.
- ФРБЕ — Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975. Т. 1–2.
- Юрчанка 1981 — *Г. Ф. Юрчанка*. Народнае вытворнае слова. 3 гаворки Мсціслаўшчыны. А — Л. Мінск, 1981.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974—. Вып. 1—.
- Federowski 1897 — *M. Federowski*. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.
- Matešić 1982 — *J. Matešić*. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1982.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga / Red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa, 1969–1978. Т. 1–4.
- Pietkiewicz 1938 — *Cz. Pietkiewicz*. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne. Warszawa, 1938.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Záoralek 1947 — *J. Záoralek*. Lidová rčení. Praha, Brno, 1947.
- Záturecký 1896 — *A. P. Záturecký*. Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví. Praha, 1896.